УДК 327

ВЫГОДЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПЕРЕСМОТР КОНЦЕПЦИИ

© 2022 О.В. Буторина*

*чл.-корр. РАН, доктор экономических наук
Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.*

**E-mail: butorina@ieras.ru*

© 2022 Ю.А. Борко*

*Доктор экономических наук
Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.*

**E-mail: yborko@mail.ru*

Поступила в редакцию 23.10.2021

После доработки 14.12.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. В научной литературе вопрос о смысле региональной интеграции на протяжении многих десятилетий рассматривается сквозь призму предоставляемых ею экономических выгод. Сопоставление потенциальных выгод и издержек лежит в основе классических теорий таможенного союза, оптимальной валютной зоны и в меньшей степени – нового регионализма. Принято считать, что региональная интеграция содействует развитию торговли между странами-участницами, способствует более эффективному размещению ресурсов за счет усиления конкуренции и роста емкости внутреннего рынка. Результатом должно становиться ускорение экономического роста и повышение душевых доходов. 70-летняя история ЕС дает обширный материал для того, чтобы проверить, насколько материальные выгоды являются главным двигателем интеграции. Реализуя поставленную цель, авторы обобщают мотивы послевоенного объединения стран Западной Европы, исследуют место концепции экономических выгод и издержек в теории региональной интеграции, а затем выясняют роль эффектов благосостояния в практике Евросоюза. Проведенный анализ позволил установить, что экономический выигрыш не является имманентным свойством региональной интеграции, он возникает не на всех ее этапах, не будучи ее главной целью и движущей силой. Сделан вывод, что целью интеграции является реагирование на изменение мирового порядка. Она помогает группе стран добиваться более выгодного глобального позиционирования и оградить себя от нежелательного внешнего влияния. Экономические выгоды важны, но они не всегда имеют решающее значение.

Ключевые слова: региональная интеграция, регионализм, Европейский союз, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз.

DOI: 10.31857/S0201708322010016

23 июля 2022 г. исполняется 70 лет с тех пор, как вступил в силу Договор о Европейском объединении угля и стали (ЕОУС)¹, который в 1951 г. подписали в Париже шесть стран Западной Европы: Франция, Италия, ФРГ и Бенилюкс. Это событие положило начало новой эпохе в развитии Европы – эпохе европейской интеграции. В 1957 г. те же шесть стран учредили Европейское экономическое сообщество, из которого вырос сегодняшний Европейский союз – с 27 государствами-членами и широким спектром направлений интеграции. Пройдя за семь десятилетий через череду испытаний, Евросоюз остается одним из главных центров силы современного мира. Его опыт стал предметом критического осмысления в других регионах мира, где сегодня получают развитие новые, соответствующие реалиям глобального мира, модели региональной интеграции.

Важнейшим инструментом оценки эффективности того или иного интеграционного проекта является сравнение его выгод и издержек (англ. – *cost-benefit analysis*) как для объединения в целом, так и для отдельных его участников [Palankai, Miklos, 2017; Pelkmans, 2013; Burk, Leuffen, 2019; Taghizadeh-Hesary, 2019; Андропова, 2016]. В политическом и научном дискурсе утвердилось мнение, что интеграция должна всегда приносить чистый выигрыш. Причем наиболее строго данный критерий применяется к группировкам развивающихся стран, включая постсоветские. Считается, что страны не захотят объединяться ради достижения общих выгод, если индивидуальный выигрыш каждой из них не перевесит потенциальных потерь [Krapohl, Vasileva-Dienes, 2019; Yoo-Duk Kang, 2016; Auriol, Biancini, 2013]. Существующая обширная литература о политических мотивах интеграции, насколько известно авторам, обходит стороной вопрос о том, могут ли существовать успешные объединения с чистым отрицательным экономическим эффектом.

Изначальные мотивы

Становление западноевропейской интеграции стало возможным благодаря сочетанию нескольких факторов. Во-первых, осмысленный после 1945 г. катастрофический итог двух мировых войн, инициатором которых и их же главной жертвой была капиталистическая Европа. После Первой мировой войны в Восточной Европе вместо царской России возникло первое в мире социалистическое государство – Советский Союз; после Второй – родилась мировая социалистическая система, частью которой стали восемь европейских государств: Албания, Болгария, Венгрия ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия и Югославия. Свершился немислимый ранее поворот в отношениях между Францией и Германией (ФРГ). «Извечные враги» создали сдвоенный локомотив, который потащил за собой всё более длинный со временем состав объединяющихся западноевропейских государств.

Во-вторых, была переосмыслена история политического и социального развития. Во всех странах Западной Европы, включая монархии, были установлены демокра-

¹ Более точный перевод оригинального наименования – Европейское сообщество угля и стали (фр. – *Communauté européenne du charbon et de l'acier*). Однако в СССР изначально закрепилось название со словом «объединение», которое позже перешло в современную российскую лексику.

тические режимы, в основе которых лежат идеи верховенства права, неотъемлемости прав и свобод личности. Государство вступило в диалог с гражданским обществом. Последними, в середине 1970-х гг., встали на путь демократии освободившиеся от авторитарных режимов Испания и Португалия. В социальной сфере Марксова теория классовой борьбы между трудом и капиталом, кончающейся установлением диктатуры пролетариата, уступает место концепциям социального компромисса и партнёрства. В практику входит диалог профсоюзов и предпринимателей, к которому периодически подключается государство в роли арбитра. Социальная политика становится ведущей статьёй государственных бюджетов [Борко, 2001: 160–165].

В-третьих, в странах Западной Европы на первые роли вышла плеяда выдающихся политических лидеров: Шарль де Голль, Жан Монне и Робер Шуман во Франции, Уинстон Черчилль, Энтони Иден и Клемент Эттли в Великобритании, Конрад Аденауэр и Людвиг Эрхард в ФРГ, Джулио Андреотти и Пальмиро Тольятти в Италии. При всех различиях во взглядах их объединяли эпоха и опыт жизни. Большинство из них были свидетелями, а многие и участниками обеих мировых войн, и могли сравнивать, насколько кровопролитнее и разрушительнее была вторая по сравнению с первой.

Поэтому и названные и не упомянутые политические лидеры были воодушевлены общей целью – покончить с распрями между государствами Европы, объединив их в региональную организацию, содействующую сотрудничеству, мирному решению конфликтов и защите их интересов на международной арене. С новой силой зазвучали идеи панъевропейского единства: Европе необходимо сплотиться, чтобы обеспечить себе выживание в мире, где все более доминируют США и Советский Союз [Haas, 1997: 321].

Первым, кто призвал к созданию объединенной Европы, был Уинстон Черчилль, бывший премьер-министр Великобритании и член «Большой тройки» (вместе с И.В. Сталиным и Ф. Рузвельтом) во время войны. Инаугурационную речь, произнесенную в сентябре 1946 г. в Цюрихском университете по случаю присвоения ему степени почетного доктора наук, он посвятил «Трагедии Европы» – следствию «серии страшных националистических ссор» между европейскими государствами. Первым шагом к воссозданию европейской семьи должно было стать партнёрство Франции и Германии. Тогда же Черчилль предложил создать федеральную систему в духе давней идеи Соединенных Штатов Европы¹.

Этой цели был посвящен Европейский конгресс, проходивший в мае 1948 г. в Гааге. Будущая региональная организация наделялась уставом, правом издавать законы и системой органов, проводящих внутреннюю и внешнюю политику в пределах своей компетенции. Решения были приняты, но почти все остались на бумаге. Европейские государства не желали делиться национальным суверенитетом с предполагаемым региональным объединением.

Своим прорывом к интеграции Западная Европа обязана трём лицам – Жану Монне, Роберу Шуману и Конраду Аденауэру.

¹ «Соединенные Штаты Европы». URL: <https://churchill.pw/soedinennye-shtaty-evropy.html> (дата обращения: 2.02.2019)

Весной 1949 г. Ж. Монне выдвинул проект создания франко-германского Сообщества угля и стали, открытого для вступления других демократических государств Западной Европы. Успешный предприниматель и государственный деятель, после освобождения Франции он разработал план восстановления и модернизации национальной экономики, который сам же осуществил. Первым из поддержавших его видных политических деятелей стал министр иностранных дел Франции Робер Шуман, в прошлом премьер-министр, а в 1949 г. – один из самых влиятельных политиков в стране. Он, как и Ж. Монне, был приверженцем идеи Соединённых Штатов Европы. Мотивы, побудившие канцлера недавно созданной ФРГ К. Аденауэра принять предложение Франции, лежали на поверхности. Германии был предложен достойный вариант включения в семью демократических государств. К тому же участие в планируемом Сообществе сулило немалые экономические выгоды.

Сообщество было новаторским проектом. Во-первых, по целям, программе и методам. Согласно Договору, предусматривалась отмена всех квот во взаимной торговле государств-участников продукцией обеих отраслей, поэтапное снижение таможенных пошлин вплоть до полной отмены и создание таможенного союза, а также общего рынка товаров. Формировались два общих фонда: один для финансирования модернизации угольной и металлургической промышленности, другой – социальный – для переобучения и трудоустройства уволенных в ходе модернизации рабочих. Рассчитанная на 10 лет программа была выполнена на полтора года раньше, к концу 1950-х гг.

Во-вторых, Сообщество являло собой объединение нового типа. В его основу был положен не принцип межгосударственного сотрудничества полностью независимых участников, а договорённость о частичном делегировании суверенных прав наднациональным органам, которые могли принимать обязательные для всех решения. Тогда же, в 1949 г., ЕОУС было названо интеграционным объединением. Термин предложил американец Пол Хоффман – глава Администрации экономического сотрудничества, финансового органа плана Маршалла. Выступая 31 октября 1949 г. в Париже на 75-м заседании совета Организации Европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), он призвал страны Западной Европы трудиться вместе, чтобы «создать большой союз и интегрировать их экономику в единый европейский рынок»¹. Термин интеграция прочно вошел в экономический и политический лексикон, а объединительный процесс в Западной Европе стал именоваться процессом развития экономической интеграции.

Непосредственным результатом деятельности ОЕЭС и прозвучавшего из уст Хоффмана призыва стало создание в 1950 г. Европейского платежного союза (ЕПС). Он объединил 17 западноевропейских стран², охватив также значительную часть Африки и Азии плюс отдельные территории в Центральной и Южной Амери-

¹ Statement by the E.C.A. Administrator at the 75th Council meeting Paris, 31st October, 1949. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2009/4/3/840d9b55-4d17-4c33-8b09-7ea547b85b40/publishable_en.pdf (дата обращения: 09.09.2021)

² Австрия, Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Турция, Франция, ФРГ, Швейцария и Швеция.

ке, которые тогда относились к зонам западноевропейских валют – в основном фунта стерлингов и французского франка. За восемь лет ЕПС выполнил стоявшие перед ним задачи: государства-участники восстановили конвертируемость своих валют, отменили валютные ограничения и устранили большую часть торговых барьеров. Все это позволило резко активизировать торговлю – как между партнерами, так и с третьими странами. Не случайно Роберт Триффин относил ЕПС к формам экономической интеграции [Triffin, 1956].

Хотя в Европейский платежный союз входила вся первоначальная «шестерка» ЕОУС, его опыт до сих пор замалчивается, а сам он решительно выводится за рамки официальных нарративов об истории европейской интеграции. Одно из объяснений состоит в том, что ОЕЭС строилась на принципах межгосударственного сотрудничества и не подразумевала создания надгосударственных структур [Bulmer, 2007: 11]. О других причинах можно только догадываться¹. Между тем ЕПС провел впечатляющую работу по либерализации торговли. В январе 1950 г. от количественных ограничений было освобождено 90% импорта [Шишков, 2001: 164]. К концу 1958 г. все страны-участницы ОЕЭС (кроме Исландии и Турции) освободили от дискриминационных мер 80–98% операций в их взаимной частной (негосударственной) торговле [Kaplan, Schleiminger, 1989: 344]. Поэтому предусмотренный Римским договором таможенный союз создавался вовсе не на пустом месте, о чем сегодня не любят вспоминать.

Сразу после вступления Договора о ЕОУС в силу в 1952 г. его участники при поддержке НАТО предприняли попытку создать два новых сообщества – оборонительное и политическое. Однако она не удалась. 30 августа 1954 г. Национальное собрание Франции отвергло уже подписанный всеми участниками ЕОУС, включая французское правительство, Договор о Европейском оборонительном сообществе. Это поставило крест на плане Европейского политического сообщества, договор о нем так и не был подготовлен. Летом 1955 г. на встрече в Мессине министры иностранных дел «Шестёрки» приняли решение вернуться на путь экономической интеграции. Началась подготовка двух новых договоров – об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии. Оба были подписаны в марте 1957 г. в Риме, с этого времени развитие ЕЭС стало магистральным направлением европейской интеграции.

¹ ЕПС может быть неудобным для летописцев Евросоюза по ряду причин. Во-первых, Евросоюз, отождествляя себя с Европой, «выпалывает» из истории европейской интеграции «посторонние» явления, такие как Европейская ассоциация свободной торговли, Совет экономической взаимопомощи, деятельность Совета Европы и даже интеграционные проекты в Северной Европе. Без них, как и без ЕПС, он выглядит магистральным трендом с ясной эволюционной логикой: восхождение от простых форм к сложным сопровождается пространственным расширением. Вторая и, вероятно, главная причина – ведущая роль, которую сыграли США при формировании ЕПС, фактически принудив страны ОЕЭС встать на путь интеграции. Третья причина – наличие в ЕПС колониального компонента в виде де-факто подключившихся к нему колоний, протекторатов и иных зависимых территорий метрополий Старого Света. В современной политической риторике этот факт выглядит особенно неуместным.

Осмысление феномена

Система профессиональных взглядов на региональную интеграцию складывалась по мере становления и развития самого феномена. Первые исследовательские усилия направлялись на то, чтобы очертить предметное поле и выработать дефиниции.

В 1950 г. увидела свет книга Якоба Винера о последствиях формирования таможенного союза. Описанные в ней эффекты создания и отклонения торговых потоков (вследствие снятия таможенных барьеров между участниками объединения при сохранении таковых в отношении третьих стран) сохраняют научную ценность по сей день. Книга была написана в русле теории свободной торговли, что не помешало автору поставить вопрос о потенциальной роли таможенных союзов в решении более широкой проблемы – повышения уровня благосостояния народов мира. По признанию Винера, таможенный союз является весьма сомнительным и несовершенным средством в сравнении с недискриминационным снижением торговых барьеров в масштабах всего мира [Viner, 1950: 135]. Указание на недискриминационное снижение барьеров не было случайным, поскольку либерализация внутри замкнутой группы стран означала фактическую дискриминацию аутсайдеров. При этом в одних случаях таможенный союз мог содействовать либерализации международной торговли, а в других – противодействовать ей. Общий результат, по мнению Винера, зависел от ряда специфических факторов, и его нельзя было вычислить заранее [Viner, 1950: 51].

Джеймс Мид стремился развить экономические взгляды Винера, освободив их от узких рамок теории свободной торговли и переведя на обширное поле теории благосостояния. Высоко ценя труд Винера, Мид высказал важное критическое замечание: проведенный анализ не позволяет сравнить экономические выгоды от создания торговли с потерями от отклонения торговли [Meade, 1955: 34]. Чтобы восполнить этот пробел, автор построил модель, где эластичность спроса равна нулю, а эластичность предложения стремится к бесконечности. Применив ее в разных вариантах, Мид пришел к выводу о невозможности вынести итоговое суждение относительно воздействия таможенных союзов на благосостояние. В одних случаях они способствуют более рациональному использованию ресурсов, а в других нет, что зависит от сочетания конкретных обстоятельств [Meade, 1955: 107].

Ричард Липси из Лондонской школы экономики усомнился, что создание торговли всегда положительно влияет на благосостояние, а отклонение торговли – отрицательно [Lipsey, 1957: 41]. Разработанная им модель позволила более точно оценить последствия таможенного союза, вследствие которого возникающее отклонение торговых потоков преобладает над их созданием (то есть весь объем международной торговли сокращается). Теоретически было обосновано наличие ситуаций, когда подобный союз приводит к общему росту благосостояния. Что, конечно, не отменяло ситуаций с обратным исходом [Lipsey, 1957: 44, 46]. Позже Джагдиш Бхагвати уточнил аргументацию Липси и подтвердил его общий вывод [Bhagwati, 1971].

Ян Тинберген понимал интеграцию как создание наиболее желательной структуры международной экономики, устранение искусственных препятствий для ее оптимального функционирования при целенаправленном введении всех желательных элементов координации и унификации. Значительное внимание он уделял проблеме

централизации и децентрализации, определения адекватной меры регулирования международных обменов. В целом же он рассматривал интеграцию как часть более широкой проблемы выработки оптимальной политики в международных экономических отношениях между независимыми государствами [Tinbergen, 1954: 15–16, 95].

Тинберген предложил ставшее хрестоматийным разделение интеграции на негативную и позитивную. Негативная интеграция устраняет препятствия к взаимодействию, например, путем отмены таможенных пошлин. Позитивная интеграция создает новое качество пространства, например, за счет введения общего таможенного тарифа [Tinbergen, 1954: 76–79]. Автор не изучал возможное влияние интеграции на уровень жизни. О благосостоянии он говорил лишь в контексте общих целей экономической политики, концентрируясь на вопросах эффективного использования ресурсов, обеспечения равномерности производства и справедливого распределения доходов [Tinbergen, 1954: 104].

Герберт Гирш первым теоретически обосновал существование пространственных эффектов создания экономического союза между несколькими странами. На убедительных примерах он показал возникновение гравитационного движения факторов производства от периферии, то есть от внешних границ объединения к его центральным областям. Таможенные границы, согласно Гиршу, сдерживают силы, способствующие агломерации промышленности в рамках всего мира и Западной Европы, в частности. Устранение таких барьеров внутри западноевропейского союза усилило бы концентрацию производства и населения в его промышленном центре. В целом образование обширных зон свободной торговли могло повышать дискриминацию отдельных регионов. Отсюда возникал вопрос о мерах экономической политики, которые могли бы нейтрализовать появление необоснованных привилегий у центральных районов и дополнительного бремени у окраинных [Giersch, 1949: 93–97].

Морис Бийе исследовал, как таможенный союз может влиять на систему международного разделения труда. Он показал, что устранение торговых барьеров приведет к изменению профилей специализации стран-участниц под давлением конкуренции. Наиболее благоприятным является союз между странами с комплементарными (дополняющими друг друга) профилями специализации. Трудности возникнут у объединения стран с однотипными направлениями специализации. В одних случаях решением станет переход стран-партнеров к более глубокой специализации в рамках конкурирующих отраслей. В других случаях могут возникнуть предпосылки к деградации промышленности относительно бедных и плохо наделенных ресурсами стран [Vué, 1950: 135, 148].

Оба ученых анализировали сдвиги в организации хозяйственной жизни региона в результате формирования таможенного союза. Примечательно, что еще до создания ЕОУС и ЕЭС им удалось сформировать общее, позже подтвердившееся на практике представление о преимуществах и издержках интеграции. Опыт ЕС показал, что консолидация экономического пространства может усиливать региональные диспропорции. Для их сглаживания начиная с 1970-х гг. в ЕС создавались различные инструменты и фонды региональной и структурной политики. Однако и на сегодня не существует единой, общепринятой методики подсчета экономических выгод и издержек интеграции [Кондратьева, 2020: 23–28].

Крупной вехой на пути исследования региональной интеграции стали работы американского экономиста венгерского происхождения Белы Балаши [Balassa 1961a, 1961b]. По признанию автора, даже в 1961 г., то есть через десять лет после подписания Парижского договора о ЕОУС, понятие экономической интеграции не имело в научной литературе ясных очертаний. Одни ученые понимали под ней устранение любых барьеров на пути экономической активности, в том числе внутри национального хозяйства, тогда как другие относили ее только к сфере международных отношений. Сам Балаша приветствовал понимание Тинбергена, который увязывал снятие барьеров на пути движения факторов производства с необходимостью проведения эффективной экономической политики [Balassa, 1961b: 1–3].

Находясь в русле общественной дискуссии того времени, Балаша размышлял о взаимодействии рыночных сил и государственной политики. Интеграция, как он полагал, требовала активной государственной политики – для поддержания полной занятости, для сглаживания отрицательных пространственных эффектов интеграции, для регулирования деятельности картелей, а также для гармонизации национальных политик государств-членов объединения. Данная позиция не мешала ему критически относиться к интеграционным рецептам французских «дирижистов» [Balassa, 1961b: 9–10].

Автор классической концепции стадий региональной интеграции не мог уклониться от вопроса о ее вкладе в общественное благосостояние. Однако научная заслуга Балаши состоит не в решении проблемы, а в комплексном исследовании экономических эффектов интеграции, которые в итоге могут влиять на уровень благосостояния [Balassa, 1961a: 10–14]. Именно он дополнил обнаруженные Винером статические эффекты интеграции еще двумя категориями: динамическими эффектами роста (благодаря эффекту масштаба и возрастающей конкуренции), а также эффектам географического распределения производства и доходов внутри регионального объединения [Sapir, 2011: 1207–1208].

Хотя книга Балаши ознаменовала поворот в развитии теории экономической интеграции, её идеи не скоро проникли в политический дискурс. Например, Жан Монне в статье 1963 г. вообще не упоминает об экономических выгодах интеграции. Отец-основатель Европейских сообществ напоминает, что в ходе войны западноевропейские страны понесли колоссальный урон, ее окончание они встретили разделенными, а через полтора десятка лет некоторые из них потеряли свои империи. Но «утрата былого величия и престижа» не заставила их сдаться, напротив, они вместе создают Общий рынок, который в будущем может привести к созданию Европейской федерации [Monnet, 1963: 204, 208]. Ценность ЕЭС, по словам Монне, заключается в том, что на континенте возникает рынок, сравнимый по масштабам с американским [Monnet, 1963: 205]. Если сейчас ни одна из европейских стран не может реально воздействовать на международные процессы, то, объединившись, они обретут необходимое политическое влияние и возможность на равных взаимодействовать с Соединенными Штатами. Европейское объединение, заключает Ж. Монне, – это не теория, это уже начавшийся процесс соединения народов и стран, с тем чтобы они могли вместе адаптироваться к меняющимся обстоятельствам [Monnet, 1963: 209–211]. Таким образом, смысл интеграции Монне видел в том, что она служит инструментом коллективного встраивания в новую геополитическую реальность.

Концепция выгод в практике интеграции

За 70 лет своего существования европейская интеграция миновала несколько этапов или стадий. Их цели, содержание и результаты обстоятельно изложены в зарубежной и российской научной литературе. Задача данной статьи – выяснить, как постулируемые теорией выгоды экономической интеграции проявляли себя на различных этапах развития ЕС.

Первый период (с образования ЕОУС до конца 1960-х гг.) прошел под знаком восстановительного роста, низкой безработицы и наращивания социальных функций государства. Динамично развивался и интеграционный проект. В 1962 г. внутри ЕЭС была введена в действие Общая аграрная политика с единым рынком сельскохозяйственных товаров. С лета 1968 г. заработал таможенный союз, упразднивший пошлины и квоты на торговлю промышленными товарами. То есть главные достижения происходили в сфере негативной интеграции. Получаемые экономические выгоды вытекали из устранения барьеров, при этом эффекты и отклонения торговли часто сопровождалось ее общим расширением, что отвечало мировому тренду.

Второй этап (с начала 1970-х гг. и до середины 1980-х гг.) отличался низкой интеграционной динамикой. Сообщество переживало период застоя и «евросклероза». Руководящие органы ЕЭС стремились не допустить дезинтеграции, основные силы уходили на поддержание проекта в жизнеспособном состоянии. Отдельные позитивные сдвиги никак не касались эффектов благосостояния. В это время был создан Европейский совет, возникла Европейская валютная система, началась реализация региональной и научно-технической политики.

Тематика экономических выгод стала центральной на третьем этапе, после как в 1985 г. Европейскую комиссию возглавил Жак Делор. Реализованная к 1992 г. программа Единого внутреннего рынка (ЕВР) базировалась на представлениях о преимуществах большого экономического пространства. Создав его, страны ЕС ожидали получить долгосрочные выгоды: ускорить экономический рост и повысить конкурентоспособность за счет усиления конкуренции, эффекта масштаба и более эффективного использования ресурсов. Речь шла уже не о статических, а о динамических эффектах интеграции. Построение Экономического и валютного союза должно было в полной мере раскрыть потенциал ЕВР. Введение в 1999 г. единой европейской валюты избавляло участников рынка от расходов на конвертирование, повышало прозрачность цен, снижало процентные ставки и повышало предсказуемость хозяйственной конъюнктуры.

Четвертый этап ознаменовался расширением Евросоюза на восток, когда в 2004–2007 г. его пополнили 12 государств¹, десять из которых обычно относят к региону Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). От стран, вступавших в ЕС раньше, их отличали менее развитая экономика и почти полувековой опыт социализма советского образца. Экономические последствия столь масштабного расширения трактовались по-разному как в его преддверии, так и теперь, почти два десятилетия спустя.

¹ Болгария, Венгрия, Кипр, Мальта, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия и Эстония.

Важная деталь: имеющаяся на эту тему избыточная научная литература состоит из двух четко обособленных частей. В одной исследуются экономические проблемы вступавших (восточных) стран, в другой – последствия для основного (западного) состава Евросоюза. Первым предстояли трудный переход от плановой экономики к рыночной, либерализация внешних связей, адаптация к высокой конкуренции на едином внутреннем рынке ЕС. В награду ожидался приток западных инвестиций и технологий, гарантии экономических свобод, снижение инфляции, рост благосостояния. Вторые получали приращение на 100 млн потребителей внутреннего рынка ЕС, распространение нормативной силы и ценностей Евросоюза на бывшую буферную зону между Западом и Россией. Издержки касались общей управляемости союзом, механизмов принятия решений, финансовых затрат, риска притока трудовых мигрантов из стран-новичков. При этом авторам не известны работы, в которых взвешивались бы экономические выгоды и издержки расширения для всего Евросоюза. К исключениям с натяжкой можно отнести исследования о меняющейся роли увеличенного ЕС в мировом хозяйстве и о его торгово-экономических связях с третьими странами, например, с Россией [Иванов, 2006].

Каков итог пребывания новых участников в Евросоюзе – для них и для него? Что получилось и что не оправдалось?

С одной стороны, страны ЦВЕ явно выиграли в части прироста благосостояния. Если в «девятке» ЕС¹ ВВП на душу населения в 2019 г. составлял 103–160% от показателя 2005 г. (а в среднем 126%), то в странах ЦВЕ темпы оказались разительно выше. В шести государствах: Болгарии, Латвии, Литве, Румынии, Словакии и Эстонии душевой ВВП вырос более чем вдвое, составив от 212% в Словакии до 280% в Румынии. Для Словении, Чехии, Венгрии и Польши душевой доход 2019 г. находился в диапазоне 144–197% от уровня 2005 г.² Страны ЦВЕ глубоко интегрированы во внутрорегиональную торговлю, у многих из них на партнеров по ЕС-27 приходится 70 и более процентов общего внешнеторгового оборота. Однако процесс переориентации их торговых потоков с партнеров по бывшему СЭВ на страны ЕС произошёл еще в 1990-е гг. и в основном завершился к моменту официального присоединения к группировке. Причем эффект отклонения торговли почти всегда сочетался с эффектом ее создания [Фейт, 2002: 309, 316; Хесин, 2003: 45].

Между тем хозяйственная связанность самого региона ЦВЕ поныне остается сравнительно невысокой. Так, инвестиционному сотрудничеству стран Вишеградской группы препятствует то, что основу национальных хозяйств составляют малые и средние предприятия, которым трудно соперничать с западноевропейскими ТНК [Габарта, Дрыночкин, 2017: 73]. Некоторые исследователи, включая западных, указывают на устойчивые отличия в моделях рыночной экономики, существующих в западной и восточной частях Европы. Будучи обусловленными национальной

¹ Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, а также Великобритания, Ирландия и Дания.

² Данные в долларах США в текущих ценах. Источник: электронная база данных UNCTADStat: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 28.09.2021)

спецификой, эти различия могут нарастать в условиях глобализации, закрепляя подчиненное положение стран ЦВЕ по отношению к ядру ЕС [Лобанов, Глинкина, 2020; Буторина, 2017: 39]. Вопрос о соотношении выгод и издержек экономической интеграции в данном контексте приобретает новое измерение.

Мировой финансовый кризис 2009 г., а затем долговой кризис еврозоны выявили многие прежде незаметные риски единой валюты. С этого времени представление о выгодах и издержках экономической интеграции расширилось и сдвинулось в сторону последних. Одновременно стал очевидным провал двух долгосрочных программ социально-экономического и технологического развития Евросоюза – Лиссабонской стратегии и стратегии «Европа 2020». Ресурсы интеграции как стимулятора экономического развития, видимо, оказались к этому времени исчерпанными.

Многие исследователи отмечают, что главный вызов, перед которым сегодня находится Европейский союз – это вызов геополитический и геоэкономический. Доля ЕС в населении и ВВП мира неуклонно снижается, основной центр глобального развития перемещается в Азию при ослабевающей роли США. Децентрализация глобализации, политическая и финансовая нестабильность вкупе с подвижностью идеологических рамок требуют от Евросоюза переосмысления его интеграционной стратегии [Кавешников, 2021: 346; Lavery, Schmid, 2021: 1322]. В последние годы ЕС сделал решительный шаг в сторону от экономической повестки. Главными стали универсальные направления: цифровизация, «Европейский зеленый курс», обеспечение внешней устойчивости Евросоюза и борьба с пандемией COVID-19. Конечно, каждый из названных четырех векторов имеет мощное экономическое содержание. Цифровые и зеленые технологии призваны вывести общество и хозяйственную систему на новую, более прогрессивную модель производства и потребления благ. Вопрос о соотношении издержек и будущих выгод такого перехода является ныне предметом широкой дискуссии и в средствах массовой информации, и среди профессионалов. Купных вложений требует борьба с пандемией.

Здесь следует сделать важное уточнение. Конечно, интеграционные проекты современного ЕС могут и должны оцениваться с точки зрения баланса экономических выгод и издержек. Однако следует понимать, что они нацелены не на получение немедленного прироста благосостояния (как при создании таможенного союза), а на решение более комплексной задачи, к которой неприменимы критерии бухучета. Сегодня на кону стоит наличие или отсутствие у Евросоюза стратегической перспективы, его выживание в новой геополитической ситуации. Речь идет не столько о будущих благах, сколько об отведении внешних угроз и минимизации неизбежного ущерба, что характерно и для других региональных группировок мира [Буторина, 2021]. Похожая ситуация существовала в 1950-е гг., когда страны ЕЭС объединялись ради того, чтобы вписаться в новые условия биполярного противостояния и крушения колониальной системы, о чем прямо заявлял Жан Монне.

Выводы

Изначальные мотивы, которыми руководствовались отцы-основатели ЕЭС, лежали в основном в области геополитики и были обусловлены новой ситуацией, возникшей в мире и в Европе после Второй мировой войны. Получение экономиче-

ских выгод от интеграции составляло их малую часть, а в пределах этой части вписывалось в либеральную идеологию и общемировую борьбу с протекционизмом.

Концепция экономических выгод интеграции была сформирована в 1950–1960-е гг. преимущественно как часть теории таможенного союза. Устранение таможенных барьеров содействует развитию внутрирегиональной торговли с положительными последствиями для благосостояния. Согласно теории, общий итог создания и отклонения торговли не поддается оценке *ex ante*. Тем не менее в рамках существующего консенсуса общий положительный итог от мер негативной интеграции, то есть от ее статических эффектов, был получен в ЕС в 1960-е гг. благодаря созданию таможенного союза.

Динамические эффекты интеграции – от увеличения емкости общего рынка, усиления конкуренции и лучшего использования пространства – были положены в основу стратегии создания Единого внутреннего рынка и Экономического и валютного союза. Меры негативной интеграции (снятие барьеров на пути движения услуг, капиталов и лиц, устранение административных и технических препон) сочетались с мерами позитивной интеграции, включая введение единой валюты. Однако по мере продвижения интеграции обнаружились многие ее неизвестные ранее издержки, в том числе связанные со структурными особенностями национальных экономик. Поэтому соотношение материальных выгод и издержек интеграции остается более вопросом веры, нежели убедительного подсчета.

На всем протяжении европейской интеграции она преследовала важные геополитические цели, мало связанные с концепцией выгод и издержек. На сегодня экономическая проблематика в целом, задачи поддержания устойчивого роста, повышения благосостояния и социального сплочения не находятся в числе стратегических приоритетов Евросоюза. Поэтому использование оценки чистого выигрыша от интеграции в качестве единственного и главного мерила ее эффективности применительно к интеграционным процессам за пределами Европы представляется необоснованным и не отвечающим реальности.

Сказанное вовсе не отрицает получение экономического выигрыша странами-участницами многочисленных международных соглашений о зонах свободной торговли, подавляющее большинство из которых являются двусторонними. Многосторонние и более сложно устроенные интеграционные объединения ставят и решают комплексные стратегические задачи. Предметом их деятельности (в разной мере) является глобальное позиционирование региона, что бессмысленно анализировать при помощи измерения прибылей и убытков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андропова И.В. (2016) Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального глобального лидерства. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, № 2. С. 7–23.

Борко Ю.А. (2001) От Европейской идеи – к единой Европе. Деловая литература, Москва.

Буторина О.В. (2017) Экономическая интеграция и конвергенция. *Европа XXI века. Новые вызовы и риски*. Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. Нестор-История, Москва. С. 25–42.

Буторина О. (2021) Цели региональной интеграции: современное понимание. *Мировая экономика и международные отношения*, Том 65, № 10. С. 5–14.

Габарта А.А., Дрыночкин А.В. (2017) Экономика региона за годы членства в ЕС. *Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции*. Под ред. Л.Н. Шишелиной. Ин-т Европы РАН, Москва. С. 48–81.

Кавешников Н.Ю. (2021) Европейский союз: история, институты, деятельность. Аспект Пресс, Москва.

Кондратьева Н.Б. (2020) Европейская модель интеграции рынков: становление и перспективы. РАН, Москва.

Лобанов М.М., Глинкина С.П. (2020) Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками: проблемы типологизации и методологии исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Экономика*. Том 36, № 1. С. 7–26.

Фейт Н.В. (2002) Проблемы и перспективы включения стран Центральной и Восточной Европы в систему европейской экономической интеграции. *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*. Том третий. Трансформации 90-х годов. Часть I. Наука, Москва. С. 319–345.

Хесин Е.С. (2003) Расширение европейского хозяйственного комплекса. *Расширение ЕС на восток: предпосылки, проблемы, последствия*. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. Наука, Москва. С. 27–58.

Шишков Ю.В. (2001) Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ? НП «III Тысячелетие», Москва.

Auriol E., Biancini S. (2013) Powering up Developing Countries through Integration? *The World Bank Economic Review*, 29(1), pp. 1–40. Doi: 10.1093/wber/lht021

Balassa, Bela (1961a) The Theory of Economic Integration. Homewood Ill.: Richard D. Irwin, Inc.

Balassa, Bela (1961b) Towards a Theory of Economic Integration, *Kyklos*, 14(1), pp. 1–14.

Bhagwati, Jagdish (1971) Trade-Diverting Customs Unions and Welfare-Improvement: A Clarification. *The Economic Journal*, Vol. 81, No. 323 (Sept., 1971), pp. 580–587.

Burk, Marian and Leuffen, Dirk (2019) On the Methodology of Studying Differentiated (Des)integration: Or How the Potential Outcome Framework Can Contribute to Evaluating the Costs and Benefits of Opting In or Out. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 57, Issue 6, pp. 1395–1406. <https://doi.org/10.1111/jcms.12958>

Bulmer, Simon (2007) History and Institutions. In: Artis M., Nixson F. (Eds.) *The Economics of the European Union: Policy and Analysis*, Fourth edition, Oxford: Oxford University Press.

Byé M. (1950) Unions Douanières et données nationales. *Economie Appliquée*, 3, pp. 121–158.

Giersch, Herbert (1949) Economic Union between Nations and the Location of Industries. *Review of Economic Studies*, 17(2), pp. 87–97.

Haas, Ernst B. (1967) The Uniting of Europe and the Uniting of Latin America. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 5, No. 4, pp. 315–343. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1967.tb01153.x>

Kaplan, Jacob J., Schleiminger, Günther (1989) The European Payments Union: Financial diplomacy in the 1950s. Oxford: Clarendon Press.

Krapohl, Sebastian and Vasileva-Dienes, Alexandra (2019) The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia. *Asia Europe Journal*, pp. 347–366. <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00548-0>

Lavery, Scott and Schmid, Davide (2021) European Integration and the New Global Disorder. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 59, No. 5, pp. 1322–1338. DOI: 10.1111/jcms.13184.

Lipsey, R.G. (1957) The Theory of Customs Union: Trade Diversion and Welfare. *Economica*, Vol. 24, No. 93, pp. 40–46.

Meade, J.E. (1955) The Theory of Customs Unions. Amsterdam: North Holland Publishing Company.

Monnet, Jean (1963) A Ferment of Change. *Journal of Common Market Studies*, No. 1, pp. 203–211.

Palankai, Tibor and Miklos, Gabor (2017) Integration Profiles for Central Europe and Hungary. In: De Lombaerde Ph., Saucedo A., Edgar J. (Eds.) *Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration. Fourth World Report on Regional Integration*. Springer, pp. 95–137.

Pelkmans, Jacques (2013) The Economics of Single Market Regulation. In: Verdun A., Tobias A. (Eds.) *Mapping European Integration*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 79–104.

Taghizadeh-Hesary (2019) Comparison of Regional Economic Integration in Asia and Europe: Policy Implications for the CAREC Region. *CAREC Institute Policy Brief*, Dec 2019. Central Asian Regional Economic Cooperation Institute.

Tinbergen, Jan (1954) *International Economic Integration*, Amsterdam, Elsevier.

Triffin, Robert (1965) Convertibilité monétaire et intégration économique. *Economie Appliquée*, October-December, pp. 618–658.

Viner, Jacob (1950) *The Customs Union Issue*, New York, Carnegie Endowment for International Peace.

Yoo-Duk Kang (2016) Development of Regionalism: New Criteria and Typology. *Journal of Economic Integration*, No. 2 (June 2016), pp. 234–227.

Benefits of Regional Integration: towards Redefining the Concept

O.V. Butorina*

*Corresponding Member of RAS, Doctor of Science (Economics)
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya str.,
Moscow, Russia, 125009.*

**E-mail: butorina@ieras.ru*

Yu.A. Borko*

*Doctor of Science (Economics)
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya street,
Moscow, Russia, 125009.*

**E-mail: yborko@mail.ru*

Abstract. Over decades, scholars have been considering the rationale of regionalism and regional integration through the lens of its economic benefits. The classical theories of customs union and optimum currency area, along with, to a lesser extent, the new regionalism approach is built on the evaluation of potential costs and benefits that such unions bring to their member countries. In conventional terms: regional integration encourages intraregional trade flows, contributes to a more efficient allocation of resources by stimulating competition and productivity through achieving a deep and efficient internal market. As a result, there is a positive effect on the growth rate and, consequently, on the level of per capita income. The 70-year legacy of the European Communities provides sufficient historic evidence for assessing the role of economic gains as the main driving force of regional integration. With this aim we at first sum up the major incentives for the post-war unification of Western Europe, then explore the position of cost-benefit analysis in the theory of economic integration, and finally identify the impact of welfare effects on the EU strategic decisions. We argue that economic gain is not an immanent property of regional integration. Member countries neither necessarily reap net benefits going through every particular integration phase, no

they regard the prospect of economic gain as a principal attraction to enter into arrangements for integration. In sum, regional integration aims to respond to the changing global order, helping the region to enhance its international standing and to better insulate it from external influences. Economic benefits are important, but they are not predominantly decisive.

Key words: regional integration, European Union, customs union, common market, economic and monetary union.

DOI: 10.31857/S0201708322010016

REFERENCES

Andronova I.V. (2016) Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: potencial i ograni-cheniya dlya regional'nogo global'nogo liderstva [Eurasian Economic Union: Its Potential and Constraints for the Regional Global Leadership], *Vestnik mezhdunarodnyh organi-zacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, New Economy. No 2, pp. 7–23. (in Russian).

Borko Yu.A. (2001) Ot Evropejskoj idei – k edinoj Evrope [From the European Idea to a United Europe], *Delovaya literatura*, Moscow. (in Russian).

Butorina O.V. (2017) Ekonomicheskaya integraciya i konvergenciya [Economic Integration and Convergence]. *Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski*. Pod red. Al.A. Gromyko, V.P. Fyodorova. Nestor-Istoriya, Moscow, pp. 25–42. (in Russian).

Butorina O. (2021) Celi regional'noj integracii: sovremennoe ponimanie. [Goals of Regional Integration: A Modern Understanding]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65, No. 10, pp. 5–14. (in Russian).

Gabarta A.A. Drynochkin A.V. (2017) Ekonomika regiona za gody chlenstva v ES. [Economy of the Region During the Years of EU membership]. *Vishegradskaya chetyvorka v Evropejskom soyuze: dilemmy konvergencii*. Pod red. L.N. Shishelinoj. Institute of Europe RAS, Moscow, pp. 48–81. (in Russian).

Kaveshnikov N.Yu. (2021) Evropejskij soyuz: istoriya, instituty, deyatel'nost' [The European Union: History, Institutions, Activities]. *Aspekt Press*, Moscow. (in Russian).

Kondrat'eva N.B. (2020) Evropejskaya model' integracii rynkov: stanovlenie i perspektiva [European Model of Market Integration: Formation and Prospects]. RAS, Moscow. (in Russian).

Lobanov M.M., Glinkina S.P. (2020) Raznovidnosti kapitalisticheskikh otnoshenij v zarubezhnyh stranah s formiruyushchimisya rynkami: problemy tipologiza-cii i metodologii issledovaniya. [Varieties of Capitalist Relations in Foreign Countries with Emerging Markets: Problems of Typology and Research Methodology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Ekonomika*. Vol. 36, No. 1, pp. 7–26. (in Russian).

Fejt N.V. (2002) Problemy i perspektivy vklucheniya stran Central'noj i Vostochnoj Evropy v sistemu evropejskoj ekonomicheskoy integracii. [Problems and Prospects for the Inclusion of Central and Eastern European Countries in the System of European Economic Integration]. *Central'no-Vostochnaya Evropa vo vtoroj polovine XX veka. Tom tretij. Transformacii 90-h godov*. Chast' I. Nauka, Part I. Moscow, pp. 319–345. (in Russian).

Hesin E.S. (2003) Rasshirenie evropejskogo hozyajstvennogo kompleksa. [Expansion of the European Economic Complex]. *Rasshirenie ES na vostok: predposylki, problemy, posledstviya. In-t mirovoj ekonomiki i mezhdunar. otnoshenij*. Nauka, Moscow, pp. 27–58. (in Russian).

Shishkov Yu.V. (2001) Integracionnye processy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyutsya strany SNG? [Integration Processes on the Threshold of the XXI century. Why the CIS countries do not Integrate?]. NP «III Tysyacheletie», Moscow. (in Russian).

- Auriol E., Biancini S. (2013) Powering up Developing Countries through Integration? *The World Bank Economic Review*, 29(1), pp. 1–40. Doi: 10.1093/wber/lht021
- Balassa, Bela (1961a) The Theory of Economic Integration. Homewood Ill.: Richard D. Irwin, Inc.
- Balassa, Bela (1961b) Towards a Theory of Economic Integration, *Kyklos*, 14(1), pp. 1–14.
- Bhagwati, Jagdish (1971) Trade-Diverting Customs Unions and Welfare-Improvement: A Clarification. *The Economic Journal*, Vol. 81, No. 323 (Sept., 1971), pp. 580–587.
- Burk, Marian and Leuffen, Dirk (2019) On the Methodology of Studying Differentiated (Des)integration: Or How the Potential Outcome Framework Can Contribute to Evaluating the Costs and Benefits of Opting In or Out. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 57, Issue 6, pp. 1395–1406. <https://doi.org/10.1111/jcms.12958>
- Bulmer, Simon (2007) History and Institutions. In: Artis M., Nixson F. (Eds.) *The Economics of the European Union: Policy and Analysis*, Fourth edition, Oxford: Oxford University Press.
- Byé M. (1950) Unions Douanières et données nationales. *Economie Appliquée*, 3, pp. 121–158.
- Giersch, Herbert (1949) Economic Union between Nations and the Location of Industries. *Review of Economic Studies*, 17(2), pp. 87–97.
- Haas, Ernst B. (1967) The Uniting of Europe and the Uniting of Latin America. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 5, No. 4, pp. 315–343. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1967.tb01153.x>
- Kaplan, Jacob J., Schleiminger, Günther (1989) *The European Payments Union: Financial diplomacy in the 1950s*. Oxford: Clarendon Press.
- Krapohl, Sebastian and Vasileva-Dienes, Alexandra (2019) The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia. *Asia Europe Journal*, pp. 347–366. <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00548-0>
- Lavery, Scott and Schmid, Davide (2021) European Integration and the New Global Disorder. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 59, No. 5, pp. 1322–1338. DOI: 10.1111/jcms.13184.
- Lipsey, R.G. (1957) The Theory of Customs Union: Trade Diversion and Welfare. *Economica*, Vol. 24, No. 93, pp. 40–46.
- Meade, J.E. (1955) *The Theory of Customs Unions*. Amsterdam: North Holland Publishing Company.
- Monnet, Jean (1963) A Ferment of Change. *Journal of Common Market Studies*, No. 1, pp. 203–211.
- Palankai, Tibor and Miklos, Gabor (2017) Integration Profiles for Central Europe and Hungary. In: De Lombaerde Ph., Saucedo A., Edgar J. (Eds.) *Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration*. Fourth World Report on Regional Integration. Springer, pp. 95–137.
- Pelkmans, Jacques (2013) The Economics of Single Market Regulation. In: Verdun A., Tobias A. (Eds.) *Mapping European Integration*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 79–104.
- Taghizadeh-Hesary (2019) Comparison of Regional Economic Integration in Asia and Europe: Policy Implications for the CAREC Region. *CAREC Institute Policy Brief*, Dec 2019. Central Asian Regional Economic Cooperation Institute.
- Tinbergen, Jan (1954) *International Economic Integration*, Amsterdam, Elsevier.
- Triffin, Robert (1965) Convertibilité monétaire et intégration économique. *Economie Appliquée*, October-December, pp. 618–658.
- Viner, Jacob (1950) *The Customs Union Issue*, New York, Carnegie Endowment for International Peace.
- Yoo-Duk Kang (2016) Development of Regionalism: New Criteria and Typology. *Journal of Economic Integration*, No. 2 (June 2016), pp. 234–227.